

Список литературы

1. Dabartinis lietuvių kalbos žodynas. / Lietuvių kalbos institutas; redaktorių kolegija S. Keinys (vyr. red.)... [et al.]. – 4-asis leid. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000. – XXIV, 967 p.
2. Enciklopedinis karybos žodynas / Redakcinė kolegija: Z. Kulys (vyriausiasis redaktorius), E. Simonas Kisinas, V. Tininis – Vilnius: Valstybinė lietuvių kalbos komisija, 2008. – 880 p.
3. Gaidelienė, B. Lietuvių-vokiečių kalbų karybos žodynas / B. Gaidelienė. – Vilnius: Generolo Jono Žemaičio Lietuvos karo akademija, 2007. – 164 p.
4. Laugalienė, G. Lietuvių-anglų kalbų karybos žodynas / G. Laugalienė, M. Mironaitė. – Vilnius: Generolo Jono Žemaičio Lietuvos karo akademija, 2004. – 162 p.
5. Lyberis, A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas = Литовско-русский словарь / A. Lyberis. – 3-asis patais. ir papild. leid. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. – 951 p.

Е. А. ЧУПРИНА

Минск, Военная академия Республики Беларусь

ТРУДНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЯВЛЕНИЙ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ

В статье речь идёт о трудностях разграничения явлений полисемии и омонимии. Граница между омонимией и полисемией подвижна, неустойчива, проницаема, она все время нарушается, причем не только со стороны полисемии, когда вследствие выпадения связь между отдельными значениями полисемантического слова утрачивается, и оно распадается на два различных слова-омонима, но также и со стороны омонимии, когда в силу действия разного рода причин между двумя омонимичными словами возникает семантическая связь, и эти слова сливаются в одно полисемантическое слово. В результате в языке оказывается много пограничных случаев, квалификация которых не может не вызывать затруднений.

Вопрос о разграничении между омонимией и полисемией обсуждается в лингвистике уже давно такими учеными, как В. И. Абасев, О. С. Ахманова, В. М. Пророкова, М. И. Задорожный, Ю. Д. Апресян, М. П. Кочерган. Однако различие между омонимией и полисемией, интуитивно осознаваемое большинством исследователей, не нашло четкого отражения в имеющихся трудах. В ряде же работ других лингвистов вопрос о разграничении омонимии и полисемии оказывается вообще снятым: омонимы определяются как разные слова, имеющие одинаковый звуковой состав, а многозначные слова – это слова, которые имеют несколько лексических значений. Таким образом, ученые не рассматривают омонимию в одном ряду с полисемией, а объединяют их в понятие неоднозначности и предлагают проводить разграничение между ними уже на другом уровне. Тем не менее, омонимия и полисемия – понятия разные, которые имеют и общую сущность – различие значений при тождестве формы, что и позволяет объединить их в более широкое по-

нятие неоднозначности, т. е. наличие у языкового знака двух или более значений. Языковой знак – это двусторонняя единица языка, представляющая собой единство плана содержания (означаемого) и плана выражения (означающего), но, несмотря на взаимообусловленность двух сторон знака, они подчиняются общему закону асимметрии в языке, частным случаем которого является неоднозначность. Другими словами, неоднозначность проявляется в том, что одному означающему соответствуют разные означаемые. Основные виды такого соответствия – это полисемия (или многозначность) и омонимия.

Рассмотрим омонимию и полисемию в деталях. Термин полисемия является созданием М. Бреаль, который впервые его употребляет в своем «Очерке семантики» в 1897 г. Под этим термином М. Бреаль понимал историческое развитие значения слова, приводившее к возникновению новых значений. Он дает следующее определение: «A mesure qu'une signification nouvelle est donnée au mot, il a l'air de se multiplier et de produire des exemplaires nouveaux, semblables de forme, mais différents de valeur. Nous appellerons ce phénomène de multiplication, la polysémie» [1, с. 101]. В словарях лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и О. С. Ахмановой даны одинаковые определения полисемии. «Полисемия – наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [2, с. 221; 3, с. 335]. Например, слово *игла* может обозначать инструмент для шитья (*швейная игла*), металлический стержень с заостренным концом (*патефонная игла*), лист хвойного дерева (*сосновая игла*), колючее образование на теле некоторых животных (*иглы ежа*), однако во всех значениях присутствует общая сема: "нечто длинное и острое". В значениях существительного *béquille* 1) костыль; 2) упор, подпорка, наличествует общая сема "служащий для опоры". Общей семой для значений существительного *berger* 1) пастух; 2) овчарка, является сема "который охраняет стадо".

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь, выражающаяся в наличии у них общих элементов смысла – сем. Это дает основание считать их значениями одного слова в отличие от значений слов-омонимов.

Лингвистический энциклопедический словарь В. Н. Ярцевой трактует омонимию как «звуковое совпадение различных языковых единиц, значение которых не связаны друг с другом» [4, с. 344–345]. Например:

брак (супружество) и брак (плохой товар); ток (место для молотьбы) и ток (электрический)». Различие в значении слов-омонимов подчеркивается во всех существующих определениях омонимии. Приведем, например, определение Н. Н. Лопатниковой: «On appelle homonymes les mots qui se distinguent par leur sens» [5, с. 221]. Во французской лексике: *balle* представляет собою звуковую форму целого ряда слов со значениями: мяч, пуля, тюк, мякина, франк (разг.). Поскольку в языках, обладающих письменностью, означающее имеет устную (звуковую) и письменную (графическую) формы, помимо омонимии, выделяются еще омофония – звуковое совпадение при различии написания языковых единиц и омография – графическое совпадение при различии произношения языковых единиц.

Для французского языка характерно обилие омофонов как актуально-речевых омонимов, что связано с исторической фонетикой французского языка. Среди омофонов есть такие, которые, этимологически восходя к разным словам, резко расходятся по содержанию. Например: *le tour* ‘кругообразное движение, круг, окружность, обход’ – лат. *tornus* ‘гончарный круг’, *la tour* ‘башня, вышка, ладья’ – от лат. *turtis*. В эту группу входят *livre* ‘книга / фунт (вес)’, *page* ‘паж / страница’, *poêle* ‘печь / сковорода’, *vase* ‘ваза / ил, тина’, *son* ‘звук / отруби’, *fraise* ‘земляника / фреза’ и др. Другую группу составляют существительные-омофоны, этимология которых одна и та же, а противопоставление по роду служит показателем их различия по значению:

	Мужской род (le)	Женский род (la)
aide	помощник, -ца	помощь
crêpe	креп	блин
critique	критик	критика
garde	сторож; сиделка	охрана
guide	гид, проводник	вожжа
mande	рукоятка, ручка	рукав; шланг
manœuvre	чернорабочий	действия, манёвр
mode	образ, форма, наклонение (грамм.)	образ действия; мода
physique	телосложение, фигура	физика
poste	пост; должность	почта

Встречаются не только пары, но и ряды омофонов, состоящие из трех-шести слов. Приведем примеры омофонов обоих типов: *pain* ‘хлеб’ – *pin* ‘сосна’; *soie* ‘шёлк’ – *soi* ‘себя’; *veux* ‘хочу’ – *vœu* ‘обет’; *mère* ‘мать’ – *mer* ‘море’ – *maire* ‘мэр’; *père* ‘отец’ – *paire* ‘пара’ – *pair*

‘чётный’; *ver* ‘червь’ – *verre* ‘стекло’ – *vers* ‘стихи’ – *vert* ‘зелёный’ – *vair* ‘беличий мех’; *salle* ‘зал’ – *sale* ‘грязный, грязная’; *place* ‘место’ – *placent* ‘кладут’; *quel* ‘какой’ – *quelle* ‘какая’ – *quels* ‘какие (м. р.)’ – *quelles* ‘какие (ж. р.)’; *conte* – ‘сказка’, *comte* ‘граф’ – *compte* ‘счёт’ – *content* ‘рассказывают’.

Много омофонов и в русском языке прежде всего из-за одинакового произношения гласных букв *о* и *а*; *е*, *я* и *и* в безударной позиции, например: *дуло* – *дула*, *пребывать* – *прибывать*, *леса* – *лиса*, *посветить* – *посвятить* и т. п. Вторая причина – закон регрессивной ассимиляции по звонкости/глухости, а также обязательное оглушение звонких согласных в конце слова: *вперемежку* – *вперемешку*, *возка* – *воска*, *арабка* – *аранка*, *серб* – *серп*, *груздь* – *грусть*, *съезд* – *сьест*, *рог* – *рок*, *пруд* – *прут*. Причиной появления некоторых омофонов является произношение звука (в) на месте буквы *з* в форме род. падежа прилагательных: *острого* – *острова*, *Толстого* – *Толстова*, *широкого* – *Широкова*. К рассмотренным случаям примыкают такие словосочетания и предложения, которые состоят из одних и тех же букв в одном и том же порядке, но имеют небольшие различия в произношении (связанные в основном с расстановкой ударений и пауз), например: *у бара камыши* – *у барака мыши*. А вот из последовательности букв *поднимитеперья* можно получить шесть фраз, по-разному обозначив пробелы и не используя никаких знаков препинания (*Поднимите перья*, *Под ними теперь я* и т. д.). Строго говоря, это явление не является омофонией из-за различий в произношении, а к омографии (см. ниже) не может быть отнесено из-за наличия пробелов между словами.

Одной из основных причин возникновения омографии в русском языке является различное ударение: *за́мок* – *замо́к*, *вывози́ть* – *вывози́ть*. Омографы также возникают за счет того, что в текстах обычно не проставляют точки над *ё*, например: *небо* (*не́бо* и *не́бо*), *поем* (*поём* и *поём*), *заем* (*заём* и *заём*), *берет* (*берёт* и *берёт*), *осел* (*осёл* и *осёл*), *сел* (*сел* и *сёл*), *мел* (*мел* и *мёл*). Омографы другого типа в русском языке весьма редки.

Омографы во французском языке достаточно редки. Например: *fil* ‘нитки’ – *fil* ‘сын’; *os* ‘кость’ – *os* ‘кости’; *couvent* ‘монастырь’ – *couvent* ‘высиживают’; *est* ‘есть’ – *est* ‘восток’; *as* ‘имеешь’ – *as* ‘туз’; *portions* ‘несли’ – *portions* ‘порции’; *avons* ‘имели’ – *avons* ‘самолёты’; *vis* ‘увидел’ – *vis* ‘винт, болт’; *pas* ‘не’ – *pas* ‘шаг’; *bois* ‘пью, пьёшь’ – *bois* ‘лес’; *convient* ‘соглашается’ – *convient* ‘приглашают’.

Виды неоднозначности знаков А и В можно схематично представить так:

	А	В	А	В	А	В	А	В
написание	—	=	—	=	—	□	—	=
звучание	—	=	—	=	—	=	—	□
значение	—	~	—	□	—	□	—	□
	полисемия		омонимия		омофония		омография	

В «Словаре омонимов русского языка» О. С. Ахмановой [6] приведено много омонимов, появившихся в русском языке вследствие распада полисемии, причем автор отмечает, что в значительном числе случаев омонимия находится в состоянии процесса расхождения значений, и стремится разграничить при помощи специальных обозначений «завершившиеся» и «незавершившиеся» процессы; к последним отнесены такие случаи, как, например, *гладить* (белье и ребенка), *волочиться* («волочиться по земле» и «волочиться за девицами») и т. п.

Как видим, возникают существенные затруднения, связанные с внутренней противоречивостью самого явления полисемии, характеризующегося одновременно и множественностью семантики, и несомненным семантическим единством. Очевидно, пытаясь разрешить это противоречие, некоторые лексикографы отказываются от признания полисемии вообще, сводя все разные значения полисемантического слова к одному «общему значению» или дробя слово на ряд моносемантических омонимов.

Полисемантическое слово действительно обладает множеством разных значений, однако все эти значения представляют собой лишь разные реализации, разные проявления единого семантического целого, или, пользуясь термином А. И. Смирницкого, «разные лексико-семантические варианты слова». Эти варианты могут различаться между собой по дистрибуции, по участию в синонимических или словообразовательных рядах (что и затрудняет их отграничение от омонимов), но при всем этом они взаимосвязаны, образуют единую систему, которая и выступает в качестве означаемого словесного языкового знака.

Итак, принципиальное различие между омонимией и полисемией заключается в том, что при омонимии мы имеем дело с разными означаемыми, тогда как при полисемии означаемое одно и то же.

На чем же базируется это единство означаемого, что позволяет считать разные значения полисемантического слова единой системой?

Как правильно отмечает Д. Н. Шмелев, «семантическое единство слова заключается <...> не в наличии у него некоего общего значения, как бы подчиняющего себе более частные <...> а в определенной связи этих самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком» [7, с. 76].

Итак, единство означаемого при полисемии базируется на наличии непрерывной деривационной связи, охватывающей последовательно все элементы семантической структуры многозначного слова. Стоит этой непрерывности нарушиться хотя бы в одном месте, стоит выпасть хотя бы одному звену, обеспечивающему эту непрерывность, как семантическое единство слова нарушается, и происходит «распад полисемии», превращение полисемантического слова в два не связанных между собой омонима [8, с. 143–152]. Вот классический пример, связанный с историей омонимов: *grève* ‘песчаный берег’ и *grève* ‘забастовка’ раньше были многозначными словами, так как в Париже, на берегу Сены, объединялись рабочие без работы.

Трудность разграничения полисемии и омонимии приводит некоторых ученых к утверждению, что омонимами целесообразно считать только слова, различные по происхождению. Например, *sang* ‘кровь’ (лат. sanguis), *sans* (предл.) ‘без’ (лат. sine), *cent* ‘сто’ (лат. centum), *mur* ‘стена’ (лат. murus), *mûr* ‘зрелый’ (лат. maturus), *pois* ‘горох’ (лат. pisum), *pois* ‘смола лат. pîx, pîcem). Однако, во-первых, не во всех случаях удастся установить происхождение слова, а во-вторых, — и это главное — следование такой установке отодвинуло бы понятие омонимии в область исторической лексикологии, в то время как именно для современных языков приходится разграничивать значения, связанные одно с другим, и значения, которые, хотя и выражены одинаковой звуковой формой, в семантическом плане не имеют ничего общего. Это вопрос не только лингвистической теории, но и лексикографической практики.

В лексикографической работе проблема разграничения омонимии и полисемии вызывает немалые трудности при определении границ между отдельными словами, при разработке способов представления омонимов и многозначных слов в словаре, от ее решения зависит ответ на ряд существенных вопросов, в частности, вопрос о структуре словаря того или иного типа словаря.

Таким образом, различие между омонимией и полисемией состоит в том, что при полисемии все значения языковых единиц, имеющих тождественные означаемые, связаны между собой — непосредственно или опосредованно — деривационными отношениями, т. е. отношениями типичной для данного языка семантической производности, и, следовательно, образуют единое означаемое (что позволяет говорить о едином словесном знаке), тогда как при омонимии значения, соответствующие тождественным означаемым, распадаются на две или несколько групп, между которыми деривационная связь полностью отсутствует, и каждая из которых образует отдельное означаемое, что говорит о наличии нескольких словесных знаков с различными означаемыми.

Список литературы

1. Левит, З. Н. Лексикология французского языка / З. Н. Левит. – М.: Высш. шк., 1979. – 160 с.
2. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Оникс: Мир и образование, 2008. – 621 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
4. Николаева, Т. М. Эмпатия / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 344–345.
5. Lopatnikova, N. N. Lexicologie du français moderne / N. N. Lopatnikova. – М.: Высш. шк., 2006. – 335 с.
6. Ахманова, О. С. Словарь омонимов русского языка / О. С. Ахманова. – М., Русский язык, 1976. – 448 с.
7. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М., Наука, 1973. – 280 с.
8. Виноградов, В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) / В. В. Виноградов // Вопросы теории и истории языка: сб. науч. тр. / МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1952. – С. 99–152.

G. B. FILIMONOVA

Mink, Belarus Military Academy

TEACHING TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS

В статье рассматриваются трудности, с которыми может столкнуться переводчик при переводе фразеологии (в частности, совпадение по форме ряда фразеологизмов со свободными словосочетаниями) и предлагаются упражнения для обучения фразеологии.

Rather often the translator/interpreter encounters combinations of words which are semantically inseparable, which are integral global lexical units more or less equivalent to words, i. e. phraseological units.

The semantic wholeness of such units is conditioned in many cases by their idiomaticity. Idiomaticity, according to A. I. Smirnitsky, occurs when the meaning of the whole is not equal to the sum of the meanings of its parts. This must be approached dialectically in the sense that there is gradience here as in most other linguistic phenomena. In this respect we can probably suggest a hierarchy from the fully idiomatic to the least idiomatic, with idiom at one extreme, and at the other – free word-combination, which has become traditional, or, a stereotyped expression, a commonplace phrase. Cases with an idiomatic component or a word with a limited range of combinability come in-between. The following examples will make the case clear: *kick up a racket* means “make a row”. Here, because the word *racket* means “disturbance, uproar”, the degree of idiomaticity is less than in

drop a brick – “do or say something indiscreet”. *To drop a brick* has nothing to do with dropping or with bricks.

Both these examples, though, display a globality of nomination which reigns supreme over the formal separability of elements. Therefore, in dealing with such units it is not sufficient to know the equivalents of the separate constituents in the target language – one must know the meaning of the whole unit, and, if there is one, its phraseological equivalent.

However, the first challenge the translator/interpreter faces here is whether the combination in question is a phraseological unit. This might be a real problem because a great number of phraseological units could be taken for free word combinations. For instance in the following two sentences *to see things* is a free combination: *He was short-sighted and could see things placed to his eyes only. Poets see many things in man and nature to which the ordinary man is blind. Whereas in I thought I was seeing things or You're seeing things – there's nobody there* it is obviously a phraseological unit.

Again, in the sentence *Children liked to play ball in the yard* the combination *to play ball* is free, but it is a phraseological unit in *The management refused to play ball* (= to cooperate).

What happens when a phraseological unit is not identified may be illustrated by the following cases:

The straight and narrow path which is a biblical phraseological and means *стезя добродетели* was not recognized as such:

Would you plunge a soul into the fiery furnace, and a minister at hand to point out the straight and narrow path? – указать ей прямую и ближайшую дорожку на небо.

In the next case phraseological unit *to be on the wagon* (*to be on the water wagon*) which means “not drinking alcoholic liquor” is understood literally, and the image evoked by the literal translation is introduced into the Russian text:

I'd be on the wagon twice a year – ... отправляться бродяжить.

In the case of *I'm on to you* (= *see through you*) being rendered as *Я же с тобой*, the translation can be explained only by guess-work on the part of the translator. This is just the case with *He caught a little crab* being translated as *Он поймал маленького краба*.

There is also another difficulty. It lies in the fact that many phraseological units are polysemantic, i.e. for one phraseological unit in the source language there may be several in the target language:

Rough and tumble means as a noun 1) fight characterized by rough informality or disregard of usual rules, 2) fisticuffs, 3) bustle, turmoil, 4) risky adventure. When the translator meets this unit in an English text its exact meaning ought to be established on the basis of the context.